

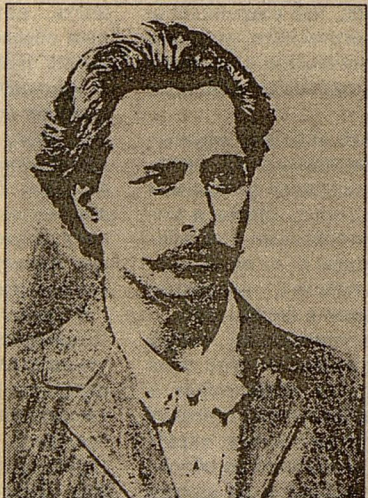
Анатолий Курчаткин

Иной классик

К 125-летию со дня рождения Леонида Андреева

сравнения, уподобления, про-
сматривания писателя «на свет»
через фильтр Толстого, Чехова,
Булнина, того же Горького.

С неизбежностью всякое подоб-
ное рассматривание Андреева через
фильтр других писателей, беспово-



Леонид Андреев.

штампы и образные шаблоны,
а вместо тонкого психологиче-
ского письма — ходячие ут-
верждения, которым извольте
верить, — вообще весь как-то
алаповат, груб, «нестилен». В
сравнении с Толстым, Чехо-
вым, Буниным от него даже
может создаться впечатление
ряжености. Помните это знаме-
нитое толстовское: «Он пугает,
а мне не страшно»? Вот, други-
ми словами, показывает мне
ужасный оскал смерти, машет
перед лицом косою, катается
красным кровавым смехом, а я
же вижу: ряженый на самом-то
деле!

Между тем Толстой в дейст-
вительности выражал свое чув-
ство куда более тонко: через по-
средство анекдота о мальчике,
который рассказывал своему то-
варищу сказку о волке следую-
щим образом: «Была темная
ночь... боишься? В лесу был волк...
боишься? Вдруг он сейчас за ок-
ном, боишься?» Андреев тоже
так, говорил Толстой дальше, пи-
шет и как бы все время меня спра-
шивает: «Боишься, боишься?» А я
не боюсь!

Кроме того, прекрасно известно,
что Толстой не воспринимал в ли-
тературе ничего, что было ему бо-
лее или менее чуждо. Пример с
Шекспиром широко известен. А
кто же нравился Толстому среди
писателей начала XX века? Ну,
скажем, Куприн. Не Чехов, безус-
ловно, но — весьма недурной пи-
сатель. Однако рядом с Куприным
для Толстого стоял Серафимович.
Автор будущего «Железного пото-
ка». Что же до Леонида Андреева,
то он в своей глубинной, первоос-
новной сущности, своим чувством
жизни, своим знанием о ней и о
человеке был Льву Николаевичу аб-
солютно чужд. В известной степе-
ни он был Толстому **противополо-
жен**. Толстой чувствовал и боролся
с дьяволом в себе, Андреев остро,
до болезненности ощущал присут-
ствие дьявола в мире и пытался
докричаться до мира, сообщить
ему об угрожающей опасности.

Докричаться до Толстого Андре-
ев не мог: слух художественного ге-
ния был обращен вовнутрь, а не
вовне. Толстой отзывался только
на то, что резонировало с его соб-
ственной болью и переживаниями.
А я не боюсь, говорил он, и в са-
мом деле не боялся: странно боять-
ся того, чего не видишь, не слы-
шишь, не чуешь. «Волк», «волк»!
А что волк, если я не представляю,
что это такое? То ли нечто вроде
коряги, то ли дождя с громом и
молнией...

Не этому ли толстовскому
неприятию Андреева как иного,
непонятного ему типа художест-
венной личности, этому его мнени-
ю об Андрееве как пугающем,
но не достигающем своей цели пи-
сателе, отлитому газетчиками в тот
самый, известный всем афоризм:
«Он пугает, а мне не страшно», —
обязано наше литературоведение
своей робостью в подходе к твор-
честву, личности, оценке того яв-
ления, которое имело имя «Леонид
Андреев»? Не отсюда ли и эта
боязливая, перестраховочная фор-
ма писаний об Андрееве не в виде
прямого разговора о нем, а в виде
сравнительных исследований? Ис-
следователи как бы говорят: чур-
чур, я не об Андрееве, совсем не
о нем, я о реализме, о модернизме,
о Чехове, Бунине, а Андреев
— так, по-соседски...

Надо заметить, что и сам Андре-
ев, при всей своей бешеной при-
жизненной славе, всегда был
странно неуверен в себе, порази-
тельно несамодостаточен, всегда
ему нужна была подпорка чужим
мнением, чужим взглядом, чужой
оценкой. То есть в смысле **верным**

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

S.O.S



Рисунок Н.Рериха «Меч мужества»
к статье Л. Андреева «SOS». 1919.

себе — тут нет разговора, он про-
сто не мог изменить своей сущно-
сти, не волен был сделать это, да-
же если бы вдруг захотел: он писал
то и так, что ему диктовалось его
даром.

А вот в смысле понимания себя,
понимания сделанного — он вечно
нервничал, метался, не мог оце-
нить: получилось, не получилось,
хорошо, плохо? Горький, напри-
мер, точно знал, что все, сделан-
ное им, хорошо.

Причина неуверенности Андрее-
ва — несомненно, в природе его
дара. Выбираясь из периода уче-
ничества, вышедшая из чуж-
жих, учительских одежд, он вдруг
обнаружил, что слишком непохож
на окружающую словесность. Не-
похож даже вопреки собственным
желаниям. Ему бы хотелось быть
оптимистичным, как старший
друг Максим Горький, бодрым и
уверенным в себе, а вместо того в
зеркале отражался некто угрюмо-
напряженный, как бы колотящий-
ся под пропущенным через него
током, мучимый видениями под
стать сюжетам гойевского цикла
«Капричос» (не случайно в андре-
евском кабинете на Черной речке
висела громадная копия одного из
листов этой гойевской графики,
сделанная им самим). Он не ока-
зался ни чистым реалистом, ни
чистым символизмом, и именно
это раздражало чистых представи-
телей того или иного направления.
Даже и бесило. Андреева не удава-
лось уложить в ясные, понятные,
четкие рамки — казалось, он вы-
каблывается, выкаблучивается,
паясничает, чтобы оглушить пуб-
лику, шокировать, вновь и вновь
поддать свежих дровишек в костер
читательского интереса к себе. И
Андреев, вслед критике и всяким
устным оценкам профессиональ-
ного круга, в письмах к друзьям
тоже лепечет что-то смущенное о
реалистах и декадентах, оправды-
вается, что он не тот и не другой.

Так оно и есть: не тот и не дру-
гой. Но суть в том, что и тот, и
другой, и еще какой-то третий, и
десятый — все вместе **Леонид Анд-
реев**.

Неосознаваемо для себя и непо-
стижимо для других он обладал тем
редким и удивительным даром,
который прежде всего не есть дар
художнический, дар писательский,
а есть дар, который весьма при-
близительно можно назвать духо-
видческим. Должно быть, он был
свойствен (или они в себе его раз-
вивали) шаманам. Вернее, Анд-
реев обладал одной из разновидно-
стей этого духовидческого дара.
Он видел и слышал не собственно
духов, а их опосредствованное
присутствие в человеческом мире.
Может быть, если еще вернее, он

их чуял, подобно тому, как не ви-
дит и не слышит, но чувствует по запа-
ху чье-либо присутствие собаки.

В отличие от шаманов он не об-
щался с ними, связи с их миром у
него не было. Но пагубное воздей-
ствие их мира на мир земного чело-
веческого существования он ощу-
щал как никто и равным образом
ощущал себя безмерно ответствен-
ным противостоять им, заслонить
собой от них человека — вне зави-
симости от его личных качеств, на-
циональности, сословия наконец.

Собирательное имя этого мира
духов, чье воздействие на человека
было открыто Андрееву (возмож-
но, шаманы имеют дело, вступа-
ют в общение лишь с какой-то од-
ной его, малой частью), уже зву-
чало выше. Дьявол, разумеется.
И если человеческий мир знает о
его присутствии среди нас благода-
ря неустанному напоминанию о
том Церковью, то Андрееву такое
напоминание не требовалось. Бо-
лее того, запах паленой шерсти так
обжигал ему ноздри, что в какие-
то жизненные периоды он переста-
вал осязать Бога. Но — лишь ося-
зать. Чувство Бога не оставляло
его никогда.

Так называемая «безрелигиоз-
ность» Андреева — не что иное,
как усталость религиозных рецеп-
торов от постоянного осязания
дьявола. Можно вспомнить
«Жизнь Василия Фивейского»,
повесть, которую не только совет-
ское литературоведение, но и сам
автор полагал богоборческой. Пе-
речтите ее свежим глазом. Проти-
ву собственного убеждения Анд-
реева, она — не против Бога, а за
Него.

Она об одолении человеческой
души дьяволом — в одной из форм
этого одоления, — вот она о чем,
но никак не о развенчивании идеи
Божественного присутствия. Не
против Бога, не против Евангелия
и повесть «Иуда Искариот». Должно
быть, с чисто церковной, догматиче-
ской точки зрения она действительно
«грешна», но по
существу — все та же борьба
против дьявольского в человече-
ской природе, низкого, темного,
корыстного.

Потому-то, чем дальше развива-
лось творчество Андреева, тем бо-
лее задышливым и дерганым ста-
новилось его дыхание, тем чаще
изменяло ему чувство меры в язы-
ке, тем больше возникало психо-
логических и прочих аляповато-
стей.

Он торопится, ему некогда, у
него не остается времени и сил,
чтобы думать, как говорить то,
что ему нужно сказать, что он ска-
зать должен, обязан. Быстрее,
быстрее, как можно больше ска-
зать, как можно громче — вот
главное.

Не случайно же Андреев так
полно и глубоко окупнулся в пер-
вую русскую революцию 1905 года,
с таким ликованием принял ее, с
таким упоением вверг себя в ее те-
му. Он увидел в революции то са-
мое преодоление дьявола, о кото-
ром ему мечталось, ему помнился
в ее кровавой буре сметающий на
своем пути все темное и низкое,
прекрасный, очищающий Божест-
венный вал. Именно этим чувст-
вом с краями наполнен «Губерна-
тор», буквально фонтанирует им.

И равным образом не случаен
духовный слом Андреева уже летом
1917-го. Опыт прошлой револю-
ции, опыт Мировой войны, в сра-
жениях которой он не принимал
участия, но которые пережил ду-
шевно, открыли ему всю ту же
дьявольскую, а не Божественную
сущность революционного вала. У
него иссякли творческие силы, он
словно бы внутренне рухнул — так
ужасно было для него это откры-
тие. Похоже, ему даже показав-
лось, что крик, которым он исхо-
дил годы и годы, пробуждая чело-
века на борьбу с живущим в нем
дьяволом, — все это было пустой
тратой энергии, пропало втуне.